— Та что-то... значит недоволен?

— Залезь-ка, попробуй, а тогда узнаешь. Какой-не дурак будет доволен? Попробуй твоего сгоряча заставить, у него животик-то стрелой-ба. Давадка, весь блинц, расчесываясь тяжело ходил по кругу, высоко задирал ноги и теперь бесовски и весело улыбался. Владимир обиделся и за отца. Чувствуя приятное удовлетворение от ядовитых слов, сказанных в ответ на язвительные слова собравшегося в кружок дрязгу.

— Хорошо. — с расстановкой сказал он, — Я передам папе, что вы недовольны гимназией.

Он искоса глянул на лицо Давадки и поразился произведенным впечатлением: губы Давадки жалко и приниженно улыбались, одна других нахмурилась. В минуту все трое молча несли Кругевич блинц. Давадка наконец оторвал от грязных своих ног отупелые глаза и задышал тяжело и злобно сказал:

— Я ить пошутил, Володь... Ну, шутейно сказал...

— Я передам папе, что вы говорили!..

Владимир чувствуя на глазах слезы обиды и за себя, и за отца, и за Давадкину жалкую улыбку пошел мимо цистерны.

— Володя!... Владимир Сергеич! — испуганно крикнул Давадка и вылез из глины, отупевая, встал прямо на изжаленные до колена ноги. Владимир остановился. Давадка подбежал к нему тяжело дыша.

— Не говорите папаше. Нарочно сказано было... Не простите меня дурака... Ей-богу без умысла. Нарочно.

— Ладно! Не скажу! — торопясь крикнул Владимир и пошел к калитке. Жалость к Давадке взяла верх. С чувством облегчения он шагал над частоколом белым забором из кустов, примостившегося в углу механического двора, слышался нервный перестук молотков раз по железу гулко и мягко, два раза с подскоком по звенящей наковальне.

— На кого трочил? — донесся до слуха ушедшего Владимира приглушенный бас Валета, — Не трень, а оно вонять не будет.

«Шпик сволочь, — озлобился подумал Владимир, — Вспрыгнет... Сказать, или не сказать?»

Оглянувшись увидел крепкие белозубые Давадкину улыбку и твердо решил „Скажу!"

Абз. На площади возле Мачавина стояла привязанная к столбу запряженная в арбу лошадь, с кругом пожарного сарая ребятишки жались